

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В СОБРАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЕВ, АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК: НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2016 © А.В. Майоров, Ф.Н. Веселов

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137

В деле изучения истории и культуры Древней Руси важнейшим среди исторических источников были и остаются летописи. Именно на основе их изучения получается основной объем современных знаний о русской допетровской истории. Ценность погодной фиксации фактов вершащейся истории во все времена существования Древнерусского государства осознавалась в канцеляриях при княжеских и архиерейских дворах, однако при высочайшей ценности сокровища книжные обладали и великой хрупкостью; оба этих фактора обусловили их редкость в наше время – войны и пожары средних веков, алчность собирателей старинных фолиантов в Новое время оставили крайне мало от огромного массива информации старательно записывавшегося и копирувавшегося средневековыми историками. Впрочем, древнерусские авторы не были машинами, бездумно переснимавшими события древности. Так или иначе, под влиянием меняющейся политической, культурной ситуации, хронисты, при передаче тех или иных фактов, сами волей или неволей становились проводниками изменчивой идеологии сначала русских удельных княжеств, затем единого Московского государства. Каждый новый список летописи мог содержать и содержать отличия, закреплявшиеся впоследствии, или исчезающие при сверках источников иными поколениями писцов. Древнерусское летописание жило насыщенной и активной жизнью, и даже сравнительно малая сохранившаяся его часть заставляет для упрощения работы историографа вводить определенные условные наименования. Ведь и само по себе современное понятие *летопись* – абстрактно, оно является производным, возникающим в результате сравнительного изучения списков, имеющих общую основу. А это значит, что открытие каждого нового списка может привести к изменению прежних представлений о данной летописи. Поэтому важнейшей задачей исторической науки было и остается выявление, изучение и публикация русских летописей.

Впрочем, значительная часть рукописного наследия Древней Руси в силу разных обстоятельств оказалась за пределами нынешней Россий-

ской Федерации. И в этом свете особое значение приобретает проект Санкт-Петербургского государственного университета, приуроченный к 1150-летию российской государственности, по выявлению и введению в научный оборот памятников исторического и культурного наследия России, волею судеб, оказавшихся за границами страны. В деле изучения русских летописей этот проект уже дал свои плоды: в 2011 – 2013 гг. были изданы Берлинский список Новгородской Первой¹ и Лондонский список Вологодско-Пермской летописей.²

Примечательно, что первым, изданным с обстоятельным предисловием произведением, стал хранящийся в Берлине список Новгородской первой летописи младшего извода. В отличие от всех других списков Новгородской Первой летописи, Берлинский список не имеет утрат и повреждений. Он содержит текст младшего извода этого древнейшего и, пожалуй, самого известного памятника русского летописания, отразившего в своих известиях Начальный летописный свод конца XI в., предшествовавший созданию Повести временных лет.

В результате проведенного исследования установлено: рукопись является копией, снятой по заказу В. Н. Татищева в 1738 г. с древнего оригинала — Летописца Сенатского Архива. Таковым, по всей видимости, следует считать Академический список, хранящийся ныне в Библиотеке Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Главное значение Берлинского списка состоит в том, что он был снят с Академического списка еще до того, когда в последнем было утрачено свыше 50 листов, содержащих древний летописный текст.

Не менее интересной представляется и история бытования этого списка. О принадлежности его В.Н. Татищеву свидетельствует приложенное к

¹ Новгородская Первая летопись. Берлинский список / Н. М. Кропачев, вступ. ст.; А. В. Майоров, иссл. СПб., 2011 (Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек. Т. I).

² Вологодско-Пермская летопись. Лондонский список / Н. М. Кропачев, вступ. ст.; А. В. Майоров, В. Г. Ананьев, Т. И. Афанасьева, В. Г. Бондарчук, иссл. СПб., 2011 («Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек». Т. III-IV).

рукописи собственноручное письмо историка к некоему не названному по имени лицу, датированное 12 октября 1749 г. В письме говорится о переправке Татищевым в адрес этого лица нескольких принадлежавших историку рукописей, в том числе и копии с Летописи попа Иоанна: «пошлю копию с новгородского попа Иоанна».¹

Все отправленные Татищевым в адрес его неизвестного корреспондента рукописи, так же, как и копия с Летописи попа Иоанна, предназначались для последующего «отдания предпочтенному королевскому собранию», членом которого русский историк желал стать. Речь идет, несомненно, о Лондонском королевском обществе по развитию знаний о природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge), основанном в 1660 г. и быстро ставшим одним из наиболее авторитетных научных учреждений своего времени. членом Лондонского королевского общества Татищев выражал неоднократно. Подобное желание, вероятно, возникло у историка вследствие знакомства с английским купцом и путешественником Дж. Ганвеем, совершившим длительную поездку через Россию в Персию и дважды посетившим Астрахань в бытность Татищева местным губернатором.

Джонас Ганвей (Jonas Hanway) (1712–1786), ставший впоследствии известным литератором, общественным деятелем и меценатом, несколько лет прожил в России, занимаясь торговлей. В 1743 г. Английская торговая компания отправила его, как представителя своей главной конторы в Петербурге, в Астраханскую губернию и в Персию с особыми полномочиями произвести ревизию деятельности другого английского купца Д. Эльтона, также бывшего членом компании, но перешедшего на сторону персидских властей и ставшего угрожать интересам России.² Дж. Ганвей несколько раз встречался с Татищевым, произведя на него, по-видимому, благоприятное впечатление. Встречи и беседы с астраханским губернатором английский эмиссар подробно описал в одной из своих книг.³ Именно с последним проведенные изыскания позволяют связать отъезд «Копии летописца Сенатской архивы» из России.

Анализ названного выше письма историка от 12 октября 1749 г., приложенного к копии летописи, несмотря на то, что последнее не содержит адресата, позволяет с высокой степенью точности установить, что предназначалось оно именно анг-

лийскому купцу и знакомому ученого – упомянутому Дж. Ганвею.⁴ К моменту написания письма и составления посылки срок пребывания мецената в России как раз подходил к концу и на 1750 г. намечалось возвращение к Англию. Этим обстоятельством, надо думать, и объясняется несколько поспешная отсылка ему Татищевым осенью 1749 г. в три приема подряд целой партии предназначенных для общества манускриптов.

9 июля 1750 г. Ганвей, судя по его запискам, действительно навсегда покинул Петербург и выехал из России. Этот отъезд практически совпал по времени с кончиной Татищева, последовавшей 15 (26) июля 1750 г. Выехав из России, английский купец не спешил возвращаться на родину. Конец июля, август, сентябрь и большую часть октября 1750 г. он провел в Европе, посещая разных своих знакомых в Германии и Голландии.

Именно в Голландии обнаруживаются дальнейшие следы бывшей у Ганвея татищевской копии Летописи попа Иоанна — нынешнего Берлинского списка Новгородской Первой летописи. Возможно, получив известие о смерти русского историка, английский купец счел себя свободным от всех ранее данных покойному обязательств, а его имущество в виде нескольких рукописей, предназначенных для Лондонского королевского общества, попросту присвоил.

После долгого перерыва о нынешнем Берлинском списке Новгородской Первой летописи стало известно в 1824 г. В этом году в Гааге был опубликован каталог библиотеки Г. и Й. Меерманов, в четвертом томе которого под № 1092 значилась рукопись на славянском языке, озаглавленная «О князьях и России с 853 по 1436 г.»; далее указывалось, что рукопись происходит из архивов Сената, написана в 1444 г. и переписана в 1738 г., имеет старинный переплет.⁵

Известный ученый-правовед из Гааги Герард Меерман (1722–1771), а также его сын, видный общественный и государственный деятель Соединенных провинций Нидерландов Йохан Меерман (1753–1815), создали одно из наиболее значительных частных книжных собраний в Европе.

Если следовать размещению описаний книг в аукционном каталоге библиотеки Меерманов 1824 г., нынешний Берлинский список Новгородской Первой летописи помещается среди описаний книг той части библиотеки, которая была собрана и

¹ См.: Майоров А. В. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской Первой летописи (предварительные итоги изучения) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 91-108.

² Cross A. By the Banks of the Neva Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth/century Russia. Cambridge, 1996. P. 34, 58, 69, 103, 339–340.

³ Hanway I. An historical account of the British trade over the Caspian sea: with the author's journal of travels from England through Russia: into Persia; and back through Russia, Germany and Holland. To which are added, the revolutions of Persia during the present century.... The second edition, revised and corrected. London, 1754.

⁴ См. подробнее: Майоров А. В. Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы» // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 168-172.

⁵ Bibliotheca Meermanniana; sive Catalogus librorum impressorum et codicum manuscriptorum, quos maximam partem collegerunt viri nobilissimi Gerardus et Joannes Meerman: morte dereliquit Joannes Meerman, toparcha in Dalem et Vuren, etc., etc.: quorum publica fiet auctio die VIII sqq. junii, anni MDCCCXXIV Hagae Comitum in aedibus defuncti: per bibliopolas S. et J. Juchtmans, Lugduno-Batavos, fratres Van Cleef, Haganos et Amstelodamenses, et B. Scheurleer, Haganum. Hagae Comitum, 1824. Vol. III–IV. Nr. 1092. P. 180.

принадлежала еще Меерману-отцу.¹ Это значит, что рукопись 1738 г. с текстом русской летописи, происходящей из архивов Сената, была приобретена основателем гаагского книжного собрания Герардом Меерманом. Наиболее подходящий для такой покупки случай мог представиться в 1750 г., когда в Гааге находился прибывший из Петербурга английский купец Дж. Ганвей, доверенное лицо В. Н. Татищева, привезший с собой принадлежавшие последнему рукописи, в том числе и упомянутый список летописи из Сенатского архива.

Вскоре после смерти Й. Меермана его наследники приняли решение продать семейную коллекцию. С этой целью в июне 1824 г. в Гааге был устроен публичный аукцион. Большую часть книжной коллекции Меерманов приобрел тогда один из их родственников, барон Виллем Хендрик Якоб Вестреенен ван Тиланд (1783–1848), приходившийся племянником Йохану Меерману. Вестреенен ван Тиланд продолжил дело Меерманов и значительно пополнил коллекцию новыми приобретениями. Он завещал свое собрание Нидерландам с условием, чтобы все оно целиком хранилось в его доме, в котором на средства государства был бы устроен общедоступный музей, носящий имя Меерманов и Вестреенена.

Сколь ни велики были старания сохранить уникальное книжное собрание Меерманов в Нидерландах, некоторая его часть после аукциона 1824 г. все же оказалась за пределами страны. Среди манускриптов, проданных иностранцам, был список 1738 г. Новгородской Первой летописи.

Новым владельцем рукописи стал один из самых выдающихся коллекционеров XIX в., английский баронет Томас Филиппс (1792–1872). Будучи внебрачным сыном текстильного фабриканта и унаследовав от своего отца значительное состояние, Филиппс истратил его на покупку редких письменных документов и манускриптов. В результате ему удалось создать крупнейшее в истории частного коллекционирования собрание рукописей; особенно значительной была его коллекция манускриптов, писанных на пергамене.²

В конце жизни баронет попытался передать свою уникальную коллекцию в собственность британского народа. С этой целью он вступил в переписку с тогдашним канцлером государственного казначейства Б. Дизраэли (будущим премьер-министром Великобритании), добиваясь приобретения всех его книг Британской библиотекой. Переговоры шли очень долго, так и не увенчавшись

успехом. В результате уникальная коллекция после смерти владельца была распродана по частям, чтобы покрыть его многочисленные долги.

Главными покупателями рукописей Филиппса стали Прусская королевская библиотека, Королевская библиотека Бельгии и Провинциальный архив в Утрехте. Часть книг отправилась за океан, пополнив фонды библиотек Дж. П. Моргана (Нью-Йорк) и Г. Э. Хантингтона (Лос-Анджелес).³

С решением основных задач изучения древнерусского летописания связан выход еще одного тома настоящей серии, посвященного Лондонскому списку Вологодско-Пермской летописи.

Лондонский список Вологодско-Пермской летописи содержит древнейшую редакцию памятника, что еще не было вполне установлено при первом издании летописи в 1959 г. (Полное собрание русских летописей. Т. 26), но признается всеми новейшими исследователями.⁴

В результате исследований В. И. Буганова, открывшего ряд новых списков Вологодско-Пермской летописи (Румянцевский, Беловского, Оссолинских), стало очевидным, что Лондонский список создан между 1499 и 1502 г. и является «особым вологодско-пермским летописным сводом – источником для позднейших сводов 1520-х и 1550-х гг.»⁵ В. И. Буганов, в 1975–1996 гг. являвшийся руководителем издания Полного собрания русских летописей, неоднократно высказывался насчет особой научной ценности и необходимости издания Лондонского списка. К такому же выводу пришел Я. С. Лурье, специально изучавший этот список и его связь с другими летописями.⁶

Лондонский список представляет собой один из важнейших этапов создания общерусского летописания — Великокняжеский свод 1472 г. Этот свод — самый ранний из известных ныне памятников летописания Русского централизованного государства. При его создании использовались многие древние летописи, не дошедшие до нашего времени.

Только Лондонский список (в отличие от всех других списков Вологодско-Пермской летописи, а также близких к ней летописей) имеет об-

¹ К такому же выводу, анализируя каталог гаагского аукциона 1824 г., пришел и Г. Л. Гейерманс: следующий владелец рукописи Т. Филиппс приобрел ее «в 1824 г. на аукционе в Гааге в составе собрания рукописей голландского правоведа Герарда Меермана (1722–1771 гг.)» (Гейерманс Г. Л. Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 168).

² См.: Bell A. Phillipps, Sir Thomas, baronet (1792–1872) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004.

³ В 1946 г. все книги, какие еще оставались от библиотеки Филиппса, были проданы оптом лондонским книготорговцам Ф. и Л. Робинсонам за сто тысяч фунтов стерлингов. Еще несколько десятилетий продолжались распродажи с аукционов. Последняя часть библиотеки была продана в США в 1977 г. Наиболее полно история собрания Филиппса изучена А. Мунби (см.: Munby A. N. L. Phillipps Studies. Cambridge. 1951–1960. Vol. 1–5).

⁴ См.: Майоров А. В. Древнерусская летопись из Коттониянской библиотеки // Вопросы истории. 2013. №9. С. 87–102.

⁵ См.: Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 158–165.

⁶ См.: Lur'e J. S. London and Lvov MSS of the Vologda & Perm Chronicle // Oxford Slavonic Papers. N. S. 1972. Vol. 5. P. 91–93.

⁷ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 122–149.

ширную начальную часть, где отдельно от основного текста помещены: сведения о расселении славянских племен, походе на Царьград князя Олега, тексты договоров Руси с греками X в., подробный рассказ о принятии христианства князем Владимиром, статьи о Борисе и Глебе, Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г., Повесть о битве на Калке, Повесть о нашествии Батюга, рассказ о смерти Александра Невского, Повесть об убиении Михаила Черниговского в Орде, Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о земном рае. Все эти тексты — подготовительные материалы к Великокняжескому своду 1472 г., почерпнутые из ранних источников (частично утраченных). По мнению Я. С. Лурье, они специально вынесены древним составителем в начало списка как наиболее ценные. Вторая и третья редакции Вологодско-Пермской летописи (представленные Академическим и Кирилло-Белозерским списками) принципиально отличаются от Лондонского списка. Эти редакции соединяют великокняжеское летописание более позднего периода (20-х и 30-х годов XVI в.) с пермско-югорской и вологодской летописями. Вплоть до 1526 г. текст второй и третьей редакций близок к тексту Воскресенской летописи; это дает основание предполагать, что они восходят к общему протографу — своду 20-х годов XVI в.

Поскольку достоверность сообщений поздних списков летописи проверяется путем соотнесения их с известиями более ранних списков, Лондонский список имеет ключевое значение при верификации оригинальных известий Вологодско-Пермской летописи за 1480–1499 гг., которые отсутствуют во всех других русских летописях и носят уникальный характер.

Лондонский список Вологодско-Пермской летописи как и Берлинский список Новгородской Первой летописи в свое время стали предметом внимания Н. П. Румянцева и историков его кружка. Русские археографы начала XIX в. проявляли особый интерес к памятникам летописания, находившимся в английских библиотеках и частных собраниях, в их разыскании и копировании участвовал большой круг лиц, заинтересованных в развитии исторических знаний в России.¹

Проект не ограничивается изданием упомянутых уникальных, но не единственных сохранившихся памятников русского летописания за рубежом. На ближайшее время рассчитано всестороннее изучение и публикация еще нескольких списков русских средневековых хроник, в которые входят Вильнюсский список Летописи Авраамки, Варшавский список Псковской Первой летописи и хранящиеся во Львове два списка Летописи Лавровского. Каждая из этих рукописей представляет

значительный интерес для уточнения имеющихся в распоряжении историко-филологической науки сведений по истории и культуре Средневековой Руси.

С уже изданным в рамках проекта Лондонским списком Вологодско-Пермской летописи связана летопись Лавровского, оригинал которой, как следует из принятого в литературе названия, некогда принадлежал Ивану Лавровскому, западно-украинскому историку и общественному деятелю, ставшему в 1829 г. одним из основателей библиотеки Перемышльского греко-католического капитула. Оба списка летописи — списки Белевского и Оссольских, воспроизводящие большую часть текста оригинала — хранятся ныне в научной библиотеке им. В. Стефаника во Львове. Уже предварительное знакомство с обеими рукописями позволяет предполагать, что составитель Летописи Лавровского опирался в том числе на источник, предшествовавший созданию первой редакции Вологодско-Пермской летописи.² Это означает, что в памятнике сохранился текст наиболее ранней из известных ныне редакций общерусского великокняжеского летописного свода второй половины XV в., в которой была закреплена московская традиция освещения важнейших событий русской истории. Таким образом, Летопись Лавровского имеет ключевое значение для изучения истории складывания летописания Русского единого государства. Исследование текста памятника, подготовка научно-справочных материалов будет означать введение в научный оборот ранее неизвестной древнерусской летописи, а публикация её полного текста станет важным вкладом в развитие исторической науки.

Вильнюсский список так называемой «Летописи Авраамки» является единственным примером последнего и наиболее насыщенного периода новгородского летописания — с 1447 до 1469 гг. Этот памятник, безусловно, создавался накануне падения новгородской независимости в кругах, близких двум новгородским архиепископам — Евфимию II Вязицкому и Ионе Отенскому. Для него характерно, как отметил А. А. Шахматов, описание только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка.³ Первые издатели летописи датировали Виленский список по записи 1495 г. смоленского книжника Авраамки, однако в новейшем научном описании рукописи, опубликованном в 1997 г. в Кракове, было впервые показано, что почерк Авраамки начинается только с л. 436, а вся древнейшая часть рукописи (л. 1–435 об.) датируется по филиграням не

¹ См.: Майоров А. В., Апаньев В. Г. Н. П. Румянцев и поиски древнерусских летописей в Англии // Российская история. 2014. № 6. С. 128–141.

² См. подробнее: Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV — начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 158–159.

³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV — XVI вв. М., 1938. с. 242.

1495 г., а концом 1460-х – началом 1470-х гг.¹ Выказывалось предположение, что, поскольку летописный текст доведен до 1469 г., перед нами, возможно, не список, а оригинал летописи.² Таким образом, историко-литературное значение Летописи Авраамки определяется двумя факторами: наличием в ней уникального текста, отражающего новгородский взгляд на события русской истории середины XV в., а также необычной для русского летописания синхронностью создания этого текста и дошедшей до нас рукописи. Единственное издание Летописи Авраамки было предпринято в конце XIX в. (1889 г.). С тех пор оно дважды репринтно воспроизводилось – в 1973 и в 2000 гг.³ К сожалению, публикаторы не сумели прочитать многие слова и выражения в рукописи и заменили их многоточиями, некоторые прочтения издателей являются ошибочными. Это обуславливает необходимость нового научного исследования памятника, которое может стать в дальнейшем базой для издания памятника на современном уровне.

Варшавский список Псковской Первой летописи обнаружен в конце 1960-х годов.⁴ Он еще не был известен при подготовке академического издания Псковских летописей, выпущенного в 1941–1955 гг. Более того, Варшавский список следует считать важнейшим среди всех известных ныне списков псковских летописей вообще: он был переписан для псковской соборной церкви Святой Троицы в 7056 г. (т. е. в 1547/48 гг.) и является либо оригиналом Псковского летописного свода 1547 г. (к которому так или иначе восходят все псковские летописи), либо очень близок к нему по времени создания.⁵ Неоднократно предпринимавшиеся в нашей стране попытки издания Варшавского списка в силу различных причин не увенчались успехом. И таким образом, предполагаемое исследование и публикация памятника будет означать введение его в научный оборот.

Издание этой, а также двух упомянутых выше хроник предполагается выполнить по правилам Полного собрания русских летописей и в результате реализации проекта – подготовить и осуществить публикацию очередных томов этой серии.

Кроме того, в планирующихся в будущем в рамках проекта археографических экспедициях предполагается дополнительно обследовать библиотеки и архивы, где хранятся указанные выше, готовящиеся к публикации памятники, с целью выявления других древнерусских летописей, которые могут там находиться. Их обнаружение может послужить не только поводом к продлению издательской серии, но и позволит сделать новые открытия в историко-филологическом изучении Древней Руси.

¹ Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А. Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-Wilenskie Studia slawistyczne*. Krakow, 1997. Seria poswiecona starozytnosciom slowianskim. T. 2. S. 75–79.

² Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 230, прим. 38.

³ Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889; репринтное воспроизведение: Dusseldorf: Bruckner-Verlag; Vaduz: Europe-printing, 1973 (Slavica reprint; Nr. 67/9); Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки / [предисл. Б. М. Клосса], М., 2000 (Полное собрание русских летописей / [изд. А. Д. Кошелев]; Т. 16).

⁴ Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши // *Studia Zrodloznawcze*. 1969. Т. 14. S. 153–154.

⁵ См. подробнее: Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики / Сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. Вып. 1. С. 19–22.